

УДК: 316.2

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ В ИЗУЧЕНИИ ИЕРАРХИЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И СТРУКТУР**Бойко Дмитрий Николаевич** – аспирант социологического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Статья посвящена изучению роли и места вещей в процессах символического насилия в (пост)современном обществе. В ней проводится критический обзор эвристического потенциала акторно-сетевого подхода в рамках исследований по вышеуказанной теме. Осуществляется анализ основных положений и принципов концепций Б. Латура и Дж. Ло, анализ применимости для изучения иерархических социальных отношений. Приводится критика акторно-сетевого подхода зарубежными и отечественными авторами, а также попыток интерпретаций данной теории в различных теоретико-методологических направлениях. Предлагается авторская теоретико-методологическая схема, построенная на синтезе акторно-сетевой теории и конструктивистского структурализма. Сопоставляются концепты сети и поля, фрейма и позиции, связи и диспозиции и др. для универсализации постструктуралистской методологии в изучении материальных объектов в социальных взаимодействиях.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория, ANT, социология вещей, Б. Латур, Дж. Ло.

Стаття присвячена дослідженню ролі і місця речей у процесах символічного насильства у (пост)сучасному суспільстві. У ній проводиться критичний огляд евристичного потенціалу акторно-мережевого підходу в рамках досліджень з вищевказаної теми. Здійснюється аналіз основних положень і принципів концепцій Б. Латура і Дж. Ло, аналіз можливостей до застосування ANT для вивчення ієрархічних соціальних відносин. Наводиться критика акторно-мережевого підходу зарубіжними і вітчизняними авторами, а також спроб інтерпретацій даної теорії в різних теоретико-методологічних напрямках. Пропонується авторська теоретико-методологічна схема, побудована на синтезі акторно-мережевої теорії та конструктивістського структуралізму. Співставляються концепти мережі і поля, фрейму і позиції, зв'язку та диспозиції і ін. для універсализації постструктуралістської методології у вивченні матеріальних об'єктів у соціальних взаємодіях.

Ключові слова: акторно-мережева теорія, ANT, соціологія речей, Б. Латур, Дж. Ло.

The article deals with the study of the role and place of things in the processes of symbolic violence in (post)modern society. It provides a critical review of the heuristic potential of the actor-network approach for the researches on the above topic. There is the analysis of the main provisions and principles of the concepts of B. Latour and J. Lo, and the analysis of applicability for the study of hierarchical social relations. The criticism of the actor-network approach by foreign and domestic authors is given, as well as attempts of interpretations of this theory in various theoretical and methodological directions. We propose an author's theoretical and methodological scheme, built on the synthesis of the actor-network theory and constructivist structuralism. The concepts of the network and field, the frame and position, link and disposition are compared, for the universalization of poststructuralist methodology in the study of material objects in social interactions.

Keywords: actor-network theory, ANT, sociology of things, B. Latour, J. Lo.

– У меня есть один знакомый, – сказал Эдик. – Он утверждает, будто человек – это только промежуточное звено, необходимое природе для создания венца творения: рюмки коньяка с ломтиком лимона.
АБС, ПНвС

Вероятно, возникая в «долгий XIX век» во Франции, социология буквально in utero переняла ряд особенностей своей родины того периода ее истории: это и единство и борьба революционного романтизма с буржуазным прагматизмом, и вера в человека как венца природы, и мировоззренческий поиск между инновационностью и консерватизмом. И, возможно, еще с тех времен в нашей науке зародилось пристрастие ко всякого рода «переворотам», «поворотам» и «сдвигам», которое воплощается уже в новейшее время. Их («поворотов») было (и будет) несметное множество, разного масштаба и характера: от парадигмальных (напр., лингвистический [2, с. 276-278] или экзистенциальный [23], [17]) до частных (эмоциональный (он же аффективный) [18] или рискологический [13]), от специфических для социологии

(культуральный [1]) до междисциплинарных (визуальный [9], прагматический [21] или гуманистический [12]). Но в рамках данной статьи нас интересует один из наиболее радикальных и, в то же время, влиятельных поворотов в социальной науке конца прошлого века – материалистический¹.

Как правило, вокруг отдельно взятого «поворота» формируется подход или направление, довольно часто институционализируясь в виде теории среднего уровня (например, социология рисков, визуальная социология или социология вещей), которые слабо связаны как с фундаментально-теоретическими, так и эмпирическими работами. Это все больше усугубляет мультипарадигмальное состояние социологии, уменьшая вероятность превращения эклектичного набора разнородных знаний в разветвленную многоуровневую эпистемологическую структуру. Безусловно, дух научного свободолюбия и бунтарства, лежащий в основании множества «поворотов», противоречит современным представлениям о структуре научного знания и куда ближе к постмодернизму («смерть метанарративов», «мозаичность культуры» и специфика «науки социального типа»). Зато такого рода множественность и аналитичность современного социологического знания несколько не противоречит возможности следовать другой метапарадигмальной тенденции социальных наук XX-XXI века – созданию синтетических теорий. И, несмотря на эксклюзивность и дистанцирование тех или иных «поворотных» концепций, они оставляют возможность «плодотворного сотрудничества» с другими теоретико-методологическими подходами. Использование методологии АНТ в чистом виде на практике маловероятно и малопродуктивно, особенно для изучения сложных, многоуровневых процессов или иерархических групп. Потому необходим если не синтез идей акторно-сетевой теории с другими концепциями, то переосмысление и интерпретация. Таким образом, **целью** данной работы является описание эвристического потенциала акторно-сетевой теории для изучения иерархических социальных отношений и структур.

Вопрос о соотношении материальной и семиотической составляющей в объектах вещной среды никогда не был принципиальным для социологии по ряду причин: во-первых, основное внимание всегда уделялось субъекту и тому, что конституирует его субъектность (социальные (взаимо)действия, связи, сети и пр.), либо объекту, который не имеет прямого материального воплощения (социальные институты, группы, отношения и т.п.); во-вторых, в рамках многих подходов (напр., символический интеракционизм, формальная социология и др.) этот вопрос был изначально решен радикально в пользу символической составляющей. И этот вопрос не проблематизировался и принимался по умолчанию вплоть до 1980-х годов, когда усилиями Бруно Латура, Джона Ло, Мишеля Каллона, Эннмари Мол и др. была предпринята попытка развенчания пансемиотического подхода, получившая название «поворот к материальному». Нельзя сказать, что до этого социология напрочь игнорировала вещи как элементы социальности. Г. Зиммель рассматривал вещи (как и всю социальность) в контексте «мира смыслов», как «комплексы [социальных] свойств... со всеми законами их взаимосвязи и развития» [Цит. по 20, с. 82]. В рамках его подхода важно не то, что вещь «есть», а то, что она «говорит взгляду», то, как она «прочитывается», а ее социологическое изучение сводится к поиску «социальной логики» внутри и вокруг нее. Такой взгляд на роль и место вещей в социальности реализуется и в творчестве И. Гоффмана, который в рамках фрейм-анализа рассматривал вещи как медиаторы, связующие «внутреннее» (деятельность, вычленимую фреймом) и «внешнее» (подвижный, изменчивый мир за его пределами), вводя понятие «оснащения» («equipment») – всей совокупности опосредующих социальное взаимодействие материальных объектов, которые формируют интеракцию, закрепляют ее, наделяют объективностью [6 с. 14], и в работах Г. Гарфинкеля, который, основываясь на концепции «оснастки» («Zeug») М. Хайдеггера, рассматривает вещи как становящиеся инструментальными в ходе практического действия объекты, занимающие место в пространстве и времени, и выполняющие те или иные функции в ситуации взаимодействия здесь и сейчас [Там же, с. 15-16]. Основываясь на таком прочтении классиков микросоциологии, Б. Латур критикует предшествующие и современные ему социологические теории, которые в полном соблюдении принципа социологизма Э. Дюркгейма, объясняя социальное социальным, «редуцируют» вещи к их социальным функциям.

В противовес этому, Б. Латур, основываясь на монадологии Г.В. Лейбница и Г. Тарда, предлагает фундаментально иное рассмотрение вещей. Они рассматриваются как самодостаточные тождественные себе в онтологическом смысле участники (актанты²) взаимодействий, в том числе социальных. Именно вещи в понимании Б. Латура являются критериальным признаком человеческой жизни, отличающей ее от жизни животных³, они не просто опосредуют интеракции, но являются их равноправными участниками. В меру своих свойств и качеств вещи ограничивают (фреймируют) различные взаимодействия, тем самым

¹ Также именуемый «объектологическим» [10] или, в широкой перспективе, «онтологическим» [19].

² Б. Латур заимствует термин «актанты» из структуралистской теории А.-Ж. Греймаса, под которым понимаются «существа или предметы, участвующие в процессе в любом виде и в любой роли, пусть даже в качестве простых фигурантов или самым пассивным образом» [8, с. 483].

³ «Когда я покупаю на почте марки и обращаюсь к кассиру через окошко, рядом со мной нет моей семьи, коллег или начальников, дышащих мне в затылок. И, слава богу, официант в этот момент не рассказывает мне историй о теще или зубах своей благоверной! Такое счастье недоступно бабуину. Любой другой бабуйн может вмешаться в любое взаимодействие» [15, с. 181].

обеспечивая их относительную устойчивость и независимость, а также связывают их между собой (образуя сети), что гарантирует относительную типичность и одновременность. Тем самым автор выводит нас на парадоксальность роли вещей в человеческой жизни: они ее, с одной стороны, ограничивают, выступая редуторами интеракций, и, с другой стороны, распространяют, тем самым являясь дистрибьюторами. Суть парадокса, указанного выше, кроется в особенном понимании объектов: обладающие продолжительностью в пространстве и времени (соответственно, ограниченностью и относительной независимостью), они существуют лишь в связи с другими объектами. Таким образом, локализованные и глобализованные взаимодействия организовываются в структуры, напоминающие «спиралевидную сеть с множеством самых различных дат, мест и людей» [15, с. 182], изучением которых и занимается акторно-сетевая теория (ANT).

Другой теоретик ANT – Дж. Ло – говорит, что «объекты являются «производными» некоторых устойчивых множеств или сетей отношений» [16, с. 223]. Соответственно, они «сохраняют свою целостность до тех пор, пока отношения между ними стабильны и неизменны» [Там же]. Дж. Ло делает следующий логический шаг, говоря о том, что не только объекты невозможны вне сети, но и сети невозможны вне объектов, и в той же работе дает другое определение: «объекты представляют собой пересечения характеристик неизменности формы в разных топологиях» [16, с. 231]. Объекты в своей постоянности формы и неразрывности с сетью гарантируют устойчивость и повторяемость социальных отношений, при этом они не сводятся лишь к элементам «оснастки» на микроуровне или «среды» на макроуровне. То есть социология открыла для себя свойства агентности и перформативности вещей как материальных объектов. Тем самым теоретики ANT проводят попытку «пересборки социальности», претендуя не (с)только на методологический сдвиг, но на изменение социально-научной картины мира в целом.

Достаточно претенциозный проект конца XX в. подвергся небезосновательным нападкам со стороны коллег-современников. Лейтмотивом критических выпадов стала переоценка терминологии и системы понятий: «Эклектичный и философски заряженный словарь вызвал обвинения в непонятности и эзотеричности» [3, с. 7], дополненные упреками в тавтологичности и внутренней противоречивости из-за неоднозначности выбора «между языком реальности и языком репрезентации» [24, с. 498], метафорой и метонимией [11]. Основной удар нанесли представители тех концепций, которые изначально оказались под критическими выпадами самих теоретиков ANT – Эдинбургская и Батская школы социологии научного знания. Сначала Г. Коллинс и С. Йерли [26], а потом и Д. Блур [5], не только отбивали латуровские диатрибы, но и отвечали тем же. И их претензии были нацелены в сторону принципа симметрии, который был предложен в контексте ANT⁴. «В глазах сторонних наблюдателей акторно-сетевой подход превратился в проповедь равенства людей и нечеловеков» [3, с. 9], но при более детальном рассмотрении можно выйти на парадоксальное сочетание в акторно-сетевом подходе идеалов либеральной демократии и нищезанятия: все актаны изначально равны, что не мешает им вести друг с другом борьбу за власть [25]. Эти и многие другие теоретико-методологические упреки в сторону акторно- сетевого подхода заставили во многом переосмыслить свои позиции, результат чего довольно иронично подытожил сам Б. Латур: «...есть четыре элемента, не работающих в акторно-сетевой теории: слово «актор», слово «сеть», слово «теория» и дефис!» [14, с. 202].

Для того, чтобы выйти из теоретико-методологического тупика, в котором оказалась ANT на рубеже веков, были предприняты попытки реинтерпретации некоторых концептов данного подхода при сохранении его ключевых посылов. В родной для ANT англо- и франкоязычной социологической среде куда больше внимания уделяет критике ее идей, нежели ее реанимированию, в то время как в русскоязычном социологическом дискурсе существует несколько ключевых фигур, идущих в том числе в фарватере акторно-сетевой теории, но несколько корректируя ее курс на свой манер: В. Вахштайна, предложивший свой вариант фрейм-анализа, основанного на концепциях Б. Латура и И. Гоффмана, и О. Хархордин, который попытался вклинить работы все того же Б. Латура в свою теорию практик. Так, первый попытался соединить воедино гоффмановское понятие фрейма в его когнитивном смысле с понятием материального фрейма в латуровском смысле, представив свою схему фрейм-анализа. Предложенный подход, хоть и разрабатывался довольно масштабно и получил серьезную эмпирическую апробацию, все же был воспринят неоднозначно, а сам подход потерял пафос всеохватывающей, парадигмальной концепции, оставаясь на среднем уровне социологической теории, если не сказать теорией ad hoc, и вскоре сам В. Вахштайн предложил спасти социологию вещей от ANT [7, с. 14]. Второй же, используя традиционную англоязычную вариацию термина «network», акцентировал внимание не на первом корне этого слова («сеть»), а на втором – «труд» [22, с. 49-50], представляя данный концепт уже не в постструктуралистском, а акционистском прочтении. При этом роль идей ANT в предложенной О. Хархординым теории практик оставалась невелика, и автор с явным удовольствием отдавал предпочтение методологии так нелюбимого Б. Латуром П. Бурдьё.

На наш взгляд, основным козырем акторно-сетевой теории является возможность, используя ее теоретико-методологические инструменты, учитывать и изучать весь охват отличных по характеру и масштабам

⁴ Методологическое требование рассматривать субъект и объект как равнозначных действующих лиц.

(соціальних) зв'язей между разнородними и разноуровневими актантами в хитросплетениях (соціальної) сети. При этом аксиоматический характер вышупомянутого принципа симметрии также резко ограничивает эвристические преимущества данного подхода: ANT в ее изначальном виде применима для изучения соціальних структур лишь в их горизонтальной перспективе, напроць игнорируя необходимость вертикального среза. Инструменты, которые предоставили Б. Латур, Дж. Ло, М. Каллон и другие, не предназначены для изучения аспектов иерархии, власти, стратификационных систем и любых других аспектов соціальности, в которых проблематизируется неравенство. И в апологетике равенства в изучении роли людей и вещей в соціальних сетях авторы забывают, что «некоторые животные равнее других».

Рассмотрим, например, фрейм лекционного занятия. При использовании классических подходов социологии повседневности изучение сведется к взаимодействию между ключевыми акторами (преподавателем и студентами) в когнитивно и символически определенных условиях, тогда как инструментарий ANT позволяет выделить объекты вещной среды, включенные во фрейм, как полноценных участников (актантов) взаимодействия. Место (чаще всего помещение), преломляющее внешнее воздействие на фрейм, также и определяет специфику интеракций внутри: четко обозначена преподавательская и студенческая зоны (за счет расположения столов, доски, трибуны и т.п.) – аудитория таким образом является фоном, на котором производятся различные практики. Основной силой акторно-сетевой теории для нашего примера является изучение изменений взаимодействий, вызванных технологизацией фрейма, то есть возникновение качественно новых актантов, включающихся в интеракции: упрощение практик изложения материала преподавателем (мультимедийная презентация, микрофон и пр.), фиксирования материала студентами (ноутбуки, смартфоны), распространения готовых конспектов (электронные носители информации) и др. И принцип симметрии выступает прорывным, если рассматривать то, как включенный диктофон или видеочамера дополняют восприятие студентом информации живую либо вовсе замещают его.

Но при всем при этом такое рассмотрение упускает огромный пласт соціальности, который воплощается и воплощает саму деятельность людей-участников. При симметричном рассмотрении человека и вещей в сетях отношений мы вынужденно пренебрегаем уникальными свойствами однотипных объектов, обращая внимания на различия лишь тогда, когда они заметно выбиваются из совокупности («ручка» останется «ручкой», покуда не приобретет характеристику «сломанная», «красная» или «моя»; соответственно, человек будет абстрактным до того, как ему будет приписаны те или иные эпитеты). С традиционно-социологическим изучением человека ситуация обратная: вслед за измерением индивидуальности и уникальности идет обобщение и типизация. И это не просто методологический принцип, а мировоззренческая установка, воплощаемая в огромной массе концептов, будь то жизненная траектория, конфигурация ценностей или ансамбль капиталов. ANT в попытках оживить вещи просто «убивает» человека, тем самым наступая на те же грабли, что и ранний позитивизм или структурный-функционализм.

Другое «слепое пятно» оптики ANT станет очевидным, если разобрать альтернативный пример: любой структурно подобный лекционному⁵ фрейм, места в котором являются собственностью (и, соответственно, товаром) – например, театральное представление, сеанс в кинотеатре, публичные спортивные соревнования и т.д. В этом случае внутри фрейма происходит топологическая дифференциация уже внутри зоны «наблюдающих», носящая иерархический характер, воплощающаяся в объектах вещной среды. Боковые места противопоставляются местам по центру, приближенные к «выступающим» – отдаленным, а уединенные театральные балконы и VIP-ложи стадионов – партеру и фанатской трибуне, при этом отличия таких мест не сводятся к тому, насколько удобно «наблюдать», а поляризуются по многим другим признакам: комфортабельность («мягкие» и «жесткие» кресла), обслуживание (различный персонал и дополнительные услуги в разных зонах), логистика (отдельные входы в помещение, транспортная развязка) и др. Собственность на место таким образом превращает в товар и сам доступ к фрейму, формируя неравенство уже и за его пределами, а ограниченность фрейма в пространстве и времени влияет на его «стоимость»⁶ как товара (так, закрытый предпремьерный показ или последний концерт известного исполнителя «ценятся» больше, чем регулярные выступления, даже идентичные по наполнению). Подобные социальные структуры, имея иерархический порядок внутри, также включены в более масштабные иерархические структуры (например, классовое культурное потребление, индустрию культуры и т.д.), что остается незамеченным при использовании инструментария акторно-сетевого подхода в чистом виде. Потому будет логичным дополнить концептуальную схему ANT наработками других подходов (пост)структуралистской парадигмы, позволяющих изучать вертикальную дифференциацию. Но для этого необходимо привести к общему знаменателю некоторые теоретико-методологические принципы, о которых шла речь выше.

⁵ Имеющий отчетливое ролевое и топологическое деление на «выступающих» и «наблюдающих».

⁶ Стоимость в данном контексте подразумевается скорее метафорически, как совокупность ценностно-смысловых характеристик, поддающихся количественному измерению (в том числе экономических, социокультурных, символических и др.).

«Возвращение человека» в его привычном для социологии понимании в предложенную теоретиками акторно-сетевую модель радикально меняет всю суть методологии, но это остается безальтернативным вариантом для ее универсализации. Рационалистические модели (например, «субъект») сами по себе крайне ограничены, потому не просто не привнесут ничего нового, но и обрушат старое, тогда как конструктивистские модели (например, «актор») упускают связь между человеком и онтологически независимой социальной структурой, которая является ключевой для ANT. Потому, на наш взгляд, наиболее подходящей моделью социологической репрезентации *homo sapiens* в данном контексте является модель агента как одновременно творения и творца социальной структуры (в нашем случае – сети). Агент, занимая определенное место (позицию) в пространстве (как физическом, так и социальном), неразрывно связан с другими элементами сети. Эти связи по сути являются его диспозициями, то есть конфигурация (будь то случайная или системная) этих связей формируют габитус агента. Системы позиций и диспозиций формируют фреймы, в которых, беря во внимание вышеупомянутое замечание О. Хархордина, и реализуются практики. В таком понимании фрейм является вариацией поля (в понимании П. Бурдьё), при этом акцент делается не на отношениях символической борьбы, а на горизонтальных символических и несимволических взаимодействиях. Объекты вещной среды, будучи узлами социальных отношений, являются носителями различных форм капиталов, и данный «разворот» в горизонтальную плоскость позволяет изучать то, как непосредственно материальные свойства вещей влияют на конструирование капитальных отношений и, соответственно, символическую борьбу в поле. Традиционно модель фрейма используется в микросоциологической перспективе для изучения повседневных структур взаимодействия, тогда как модель поля более универсальна и применяется в исследовании социальных взаимодействий всех уровней. Для нас соотношение фрейма и поля в методологическом плане достаточно условно (они могут отождествляться, противопоставляться, являться частью друг друга), но эмпирически это является одним из ключевых индикаторов. И если в структуралистском конструктивизме поле является конкретным, исторически обособившемся и относительно автономным элементом социального пространства, то фрейм можно рассмотреть уже как отдельный конкретный элемент физического пространства, обладающий относительной продолжительностью и независимостью.

Такой подход позволяет, с одной стороны, решить несколько теоретико-методологических проблем акторно-сетевой модели («вернуть» в схему человека, учитывать вертикальную дифференциацию внутри сети) и, с другой стороны, – дополнить структуралистский конструктивизм инструментами для изучения материальной составляющей социальных отношений. Это позволит более разнопланово изучать такие явления, как столкновения различных полей в одном фрейме (например, теледебаты ученого и политика), соотношение телесной и культурной составляющих человека (вопрос «мастерства» спортсмена или работника физического труда), влияние физических свойств объектов на иерархические социальные отношения (роль и место вещей в символической борьбе или символическом насилии) и многие другие.

Подытоживая, можно сказать, что акторно-сетевая модель, претендующая на поворотный в социологии, заслуженно получила шквал критики. Будучи в большей мере идеологическим проектом, чем рабочей научной концепцией, ANT остается частной и применимой только в узком сегменте проблемного поля методологией. Кроме того, из-за понятийной, концептуальной, теоретико-методологической путаницы наработки данного подхода в чистом виде применять практически невозможно, потому необходимо переосмысление и интерпретация в каждом конкретном случае. Тем не менее, хоть и основной акцент теории сделан именно на технологических объектах (в особенности, миниатюризацию технических средств), важнейшим эпистемологическим достижением данного подхода является именно акцентирование внимания мировой социологической общественности на упрощенное и утрированное представление о роли и месте материальных объектов как таковых и изменение социологического взгляда на вещи. Сам акторно-сетевой подход, хоть и является весьма узким и в некоторой степени «сырым», все же оставляет большие возможности и для других интерпретаций или синтеза с другими теоретическими подходами: будь то соотношение актанта-вещи, способного полностью или частично заместить человека в социальной сети, с идеями симулякрализации и подмены социального, либо попытка преодоления исключительной эгалитарности через сопоставление сети в понимании ANT с социальными системами в понимании Н. Лумана, включающее рассмотрение неравных коммуникаций, кодов доступа в систему и т.д., или же анализ согласия и несогласия (в духе Л. Болтански и Л. Тевено) в сетевых интеракциях и т.д. – но это уже тема для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Александер Дж. Сильная программа в культурсоциологии: пер. с англ. / Джеффри Александер, Филипп Смит // Социологическое обозрение. – 2010. – №2. – С. 11-30. 2. Аналитическая философия: учеб. пособие / под ред. М. В. Лебедева, А.З. Черняка. – М.: ИПК РУДН, 2006. – 622 с. 3. Астахов С. С. Критическая рецепция акторно-сетевой теории: от макиавеллизма к проблеме Иного. / Астахов Сергей Сергеевич // Философская мысль. – 2016. – № 10. – С.1-15. 4. Астахов С. С. Критическая рецепция акторно-сетевой теории: от макиавеллизма к проблеме Иного. / Астахов Сергей Сергеевич // Философская мысль. – 2016.

- № 10. – С.1-15. **5.** Блур Д. Анти-Латур / Дэвид Блур // ЛОГОС, Т. 27, 2017. – №1. – С. 85-134. **6.** Вахштайн В. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории / В. Вахштайн // Социология вещей. Сборник статей / Под. ред. В. Вахштайна – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – С. 7-42. – С. 14. **7.** Вахштайн В.С. К микросоциологии игрушек: сценарий, афорданс, транспозиция. /В.С. Вахштайн // ЛОГОС, 2013 – №2 (92). – С. 3-37. **8.** Греймас А.-Ж. Семиотика. Объяснительный словарь: пер. с англ. / А.-Ж. Греймас, Ж. Курте. – М.: Радуга, 1983. – 550 с. **9.** Зенкова А. Ю. Визуальные исследования как интегральная область социально-гуманитарного знания / Анна Юрьевна Зенкова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук – 2004. – С. 184-193. **10.** Катерный И. В. Социальная реальность в дискурсе «объектологического поворота» / И.В. Катерный // Вестник МГИМО. – 2014. – №4 (37). – С. 264-273. **11.** Константинова М.В. Метонимический поворот. Социология вещей против социологии технологий / Мария Владиславовна Константинова // Социология власти. – 2015. – №1. – С. 90-107. **12.** Кравченко С. А. Востребованность гуманистического поворота в социологии / Сергей Александрович Кравченко // Социологическая наука и социальная практика – 2013. – № 1 – С. 12-23. **13.** Кравченко С. А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии / Сергей Александрович Кравченко // Социологические исследования. – 2012. – № 5. – С. 19-28. **14.** Латур Б. АСТ: вопрос об отзыве / Бруно Латур // ЛОГОС, 2017. – №1 – С. 201-216. **15.** Латур Б. Об интеробъективности / Б. Латур // Социология вещей. Сборник статей / Под. ред. В. Вахштайна – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – С. 169-198. **16.** Ло Дж. Объекты и пространства / Дж. Ло // Социология вещей. Сборник статей / Под. ред. В. Вахштайна – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – С. 233-244. **17.** Мельников А. Экзистенциальный поворот у сучасній соціології / А. Мельников // Соціологія: теорія, методи, маркетинг: Науково-теоретичний часопис. – 2011. – № 2. – С. 160-177. **18.** Симонова О.А. Эмоциональный поворот в социологии: развитие теории и отдельных исследовательских областей / О.А. Смирнова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. –2016. – Т.3. № 3. – С. 105-130. **19.** Степанищев С. Онтологический поворот в социологии [Электронный ресурс] / Сергей Степанищев // Новостная служба портала ГУ-ВШЭ – Режим доступа: <https://www.hse.ru/org/hse/innovation/news/260511.html> **20.** Филиппов А. Ф. Теоретические основания социологии пространства. / А.Ф. Филиппов – М.: Канон-Пресс-Ц, 2003. – 285 с. **21.** Хархордин О.В. Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено / Олег Валерьевич Хархордин // Социологические исследования. – 2007. – № 1. – С. 32-42. **22.** Хархордин О. В. Предисловие редактора к кн. Латур Б. Нового ремени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина; Науч. ред. О. В. Хархордин. – СПб.: Изд-во Европ.ун-та в С.-Петербурге, 2006. - 240 с./ Вадим Волков **23.** Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии / П. Штомпка // Социологические исследования – 2009. – №8 – С. 3-13. **24.** Amsterdamska O. Surely you are joking, Monsieur Latour! / O. Amsterdamska // Science, Technology, & Human Values. – 1990 – №4 (15). – P. 495–504. – P. 498. **25.** Brown S. Otherness and the Actor Network: The Undiscovered Continent / S. Brown, N. Lee // American Behavioral Scientist, 1994, – №6 (36). – P. 772-790. **26.** Collins H. Epistemological chicken / H. Collins, S. Yearley// Science as practice and culture (Pickering A., ed). – Chicago, 1992. – P. 301-326.